

О.И. Посконина¹
O. Poskonina

**ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО.
ГЕРОИ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
ВЕНЕСУЭЛЫ В МЕМУАРАХ АДЬ-
ЮТАНТА БОЛИВАРА**

**IMAGES OF THE PAST.
HEROES OF WAR OF INDEPENDENCE
IN VENEZUELA IN MEMOIRS OF BOL-
IVAR'S ADJUTANT**

Аннотация: Мемуары генерала Д. Ф. О'Лири, адъютанта С. Боливара, являются важнейшим источником сведений по истории Войны за независимость Южной Америки. В своих воспоминаниях соратник Освободителя рассказывает не только о сражениях, но и об участниках революции. Многих героев той эпохи автор знал лично или по рассказам современников, в мемуарах содержатся оценки их действий и роли в революционных событиях 1810–1826 гг.

Ключевые слова: Венесуэла, Великая Колумбия, Война за независимость, Симон Боливар.

Abstract: The memoirs of D. F. O'Leary, who was an adjutant of S. Bolivar, are the main source of information on the War of independ-

¹ *Ольга Ивановна Посконина* – кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. *Olga I. Poskonin.* – Lomonosov Moscow State University, mail: olgaposk@yandex.ru

ence in South America. His memories include not only battles, but also images of revolutionaries. Author met many heroes of that time or heard about them from contemporaries; his memoirs contain the assessment of their actions and roles during revolutionary events of 1810–1826.

Keywords: Venezuela, Great Columbia, War of independence, Simon Bolivar

DOI: 10.32608/2305-8773-2018-20-1-71-93

Накануне 50-летней годовщины со дня смерти Симона Боливара (1783–1830), в 1879 г. в Венесуэле вышел в свет первый том обширного труда его адъютанта, Даниэля Флоренсио О’Лири, положивший начало публикации документов, связанных с жизнью и деятельностью Освободителя. Полная их коллекция под названием «Воспоминания генерала О’Лири» составила более 30-ти томов. В начале 80-х гг. XX в. было предпринято факсимильное издание «Воспоминаний», также приуроченное к печальной дате². Необходимо уточнить, что мемуары О’Лири, часто именуемые «повествованием», содержатся лишь в двух, хотя и весьма объемных томах данного издания. Первый из них в основном повествует о событиях, имевших место до прибытия автора в Южную Америку и описанных им на основании документов и свидетельств их участников, второй том действительно представляет собой мемуары, хотя и в данном случае О’Лири пользовался документальными материалами как официального, так и личного происхождения. Все остальные тома «Воспоминаний» содержат в основном переписку Боливара, декреты и послания Освободителя законодательным и исполнительным органам власти, обращения к населению и армии³. Значительную часть документов предоставили его душепри-

² *O’Leary*, 1981, т. 1–34. Об издании 1879–1888 гг. и его структуре подробнее см.: *González Guinán/O’Leary* 1981, т. 1. P. 113–115; *Segundo Sánchez/O’Leary* 1981, т. 1. P. 120–131; *Altuve Carrillo/O’Leary* 1981, т. 1. P. 36–46.

³ Среди адресатов Боливара мы находим лидеров освободительного движения (Ф.Миранда, Б. О’Хиггинс, Х. де Сан-Мартин), прославленных генералов (Х.Ф. Рибас, С.Мариньо, Х.А. Паэс, Х.Т. Монагас, Ф. де Паула Сантандер, А.Х. де Сукре), а также многих видных общественных и политических деятелей того времени, губернаторов штатов, друзей и родных.

казчики⁴.

Ирландец О'Лири родился и вырос в г. Дублине⁵. В 1818 г. в юном возрасте он прибыл в венесуэльский городок Ангостура, имея чин младшего лейтенанта подразделения «Красных гусар», одного из добровольческих формирований, созданных в Великобритании и направленных в восставшие испанские колонии для оказания помощи борцам за независимость. Впоследствии О'Лири начал собирать всевозможные сведения об освободительной войне и ее главном герое – Боливаре, намереваясь познакомить своих родителей и ирландских друзей с впечатлениями от странствий по просторам американского континента⁶.

Военная карьера О'Лири развивалась успешно, ему быстро присвоили звание лейтенанта, затем капитана, в 1819 г. он участвовал в сражении при Боякá и вскоре оказался в штабе Боливара. В 1821 г. О'Лири отличился в битве при Карабобо, затем воевал вместе с Боливаром в Перу и дослужился до звания генерала, снискав дружбу и доверие Освободителя. Незадолго до смерти, как утверждал О'Лири, Боливар высказал пожелание, чтобы преданный соратник, остававшийся рядом с ним до последней минуты, написал историю его жизни⁷. После того, как в декабре 1830 г. Боливара не стало, О'Лири покинул южноамериканский континент. Отправившись на Ямайку, он приступил к выполнению дела, которому отныне посвящал все свое время – сбору новых документов и составлению жизнеописания Освободителя, причем его сведения считаются достоверными. Свой труд О'Лири завершил в 1840 г., находясь в Каракасе, хотя, к сожалению, довел свое повествование лишь до ноября 1826 г.

Замечательное творение О'Лири – это, прежде всего, бережно

⁴ О'Лири отмечает, что некоторые важные документы пропали в период военных кампаний, однако большую часть бумаг ему удалось спасти. Архив Освободителя после его смерти душеприказчики должны были сжечь по требованию политических противников Боливара, которые опасались обнародования компрометирующих их сведений. См.: *O'Leary*, 1981, т. 27. P. V, VI.

⁵ Точная дата рождения О'Лири неизвестна, сохранились лишь косвенные свидетельства, которые указывают, что он родился в начале XIX в. (в 1800, 1801 или 1802 г.); умер в Боготе в 1854 г. Подробнее см.: *Navarro/O'Leary* 1981, т. 1. P. 136, 137.

⁶ *O'Leary* 1981, т. 27. P. V.

⁷ *Altuve Carrillo* 1981. P. 36.

сохраненная память о славных делах и наполненной суровыми испытаниями жизни Боливара, попытка «присыдидить клеветников как в Америке, так и в Европе»⁸. Не случайно в каждой главе повествования неизменно присутствует образ Освободителя, «чье слово проповедовало национально-континентальную независимость Америки и чья шпага ее осуществила», – как писал один из исследователей творчества О’Лири⁹. В повествовании Боливар выглядит гением и героем, предстает перед читателем как политик и военачальник, государственный деятель и дипломат, мыслитель и творец истории латиноамериканских народов. Не остались без внимания автора и различные проявления характера и человеческих качеств Освободителя¹⁰.

В то же время на протяжении своей жизни, особенно в годы войны Боливар соприкасался с самыми разными людьми как из революционного, так и враждебного патриотам лагеря, который далеко не всегда был представлен испанцами. На фоне героического образа главного действующего лица возникают хотя и менее значимые, но порой яркие, рельефные образы его соратников и противников. Иными словами, и выдающиеся, и второстепенные персонажи прямо или косвенно сравниваются с Освободителем, причем эти сравнения безоговорочно оказываются в его пользу. Так, в повествовании О’Лири мы находим параллельную характеристику двух лидеров освободительных революций – Боливара и Х. де Сан-Мартина. В представлении автора первый был чистосердечен и доверчив, горяч в дружбе и великодушен по отношению к врагам, второй, напротив, холоден и лицемерен, не умел прощать обиды и не стремился оказывать кому-либо помощь, если это не приносило ему выгоды. Боливар унаследовал значительное состояние, но умер почти в нищете, Сан-Мартин родился и вырос в бедной семье, зато впоследствии разбогател. Он принял титул «Покровителя Перу», тогда как Боливар отказался от короны, которую ему предлагали в Колумбии¹¹.

Следует отметить, что в первом томе мемуаров, где О’Лири повествует о детских и юношеских годах Боливара, становлении его

⁸ *O’Leary* 1981, т. 27. Р. VI.

⁹ *Altuve Carrillo* 1981. Р. 95.

¹⁰ Подробнее см.: *Посконина* 2010. С. 116–133.

¹¹ *O’Leary* 1981, т. 28. Р. 159.

личности, восстании 1810 г. в Каракасе, перипетиях Войны за независимость до завершения сражения при Боякá, содержатся более детальные характеристики участников событий, чем во втором, где основное внимание автор уделяет описанию военных кампаний и политических интриг. Среди соратников Боливара особый интерес О'Лири проявлял к согражданам Освободителя – венесуэльцам по происхождению, а также тем патриотам, которые, родившись в других колониях или даже в Испании, следовали за ним в период военных баталий и политических преобразований на подконтрольных ему территориях, в том числе департаментах Великой Колумбии. Не все из представленных в мемуарах героев войны дожили до завершения освободительных революций, однако некоторые из них в дальнейшем стали видными военными и политическими деятелями, заметно повлиявшими на судьбы Венесуэлы или соседних государств.

Указанное факсимильное издание «Воспоминаний» вызвало появление комментариев к нему в виде вступительных статей, приведенных выше, где излагаются биография О'Лири, обстоятельства создания мемуаров, принципы документального наполнения томов, а также затрагиваются важные аспекты Войны за независимость и деятельности Освободителя. С точки зрения исследования жизни людей революционной эпохи эти публикации явно недостаточны.

В отечественной историографии мемуары О'Лири использовались как важный источник фактического материала, многие события, нашедшие отражение в трудах советских и российских авторов, изначально были упомянуты и описаны именно в повествовании адъютанта Боливара. В качестве примера уместно привести полный драматизма сюжет, связанный с пленением испанцами Ф. Миранды, который навсегда лишился свободы из-за разногласий внутри лагеря венесуэльских патриотов¹². Другим ярким примером может служить известная встреча между Боливаром и Сан-Мартинном, освободителем Чили и южной части Перу, в июле 1822 г. Хотя содержание переговоров двух лидеров до сих пор прояснить не удалось, ценные свидетельства О'Лири позволили узнать хотя бы о прибытии Сан-Мартина в Гуаякиль (Эквадор), оказанном ему торжественном приеме и его тесном общении с Болива-

¹² Подробнее об этом инциденте см.: Ibid., т. 27. Р. 73–76.

ром¹³. В то же время в отечественной литературе все еще не стали объектом исследования личные, хотя во многом субъективные, представления автора повествования об окружавших его людях (кроме Боливара), включая описание их внешнего облика, характера, привычек, человеческих качеств и поступков, не рассматривались приемы, использованные О'Лири при характеристике героев и злодеев Войны за независимость. Изучая исторические источники личного происхождения, особенно мемуары, появление которых, как правило, преследует определенную цель, следует, безусловно, сохранять критический подход к оценочным суждениям и выводам авторов. Однако в данном случае мы имеем дело с особой ситуацией – практически все авторские замечания и оценки, касающиеся действующих лиц, попавших на страницы мемуаров, О'Лири стремился подтвердить документально. Именно по этой причине текст повествования изобилует выдержками, иногда многостраничными, из различных документов тех лет, включая законодательные акты, речи, письма и даже воспоминания других людей.

Франсиско Миранда

Как известно, на первом этапе борьбы с Испанией особая роль принадлежала Франсиско Миранде (1750–1816), предтече освободительной революции, «сыну Каракаса, посвятившему свою жизнь достижению независимости родины»¹⁴. О'Лири крайне волновал деликатный вопрос о непростых отношениях между Боливаром и Мирандой, принадлежавшими к разным поколениям революционеров: первому к началу каракасского восстания исполнилось лишь 26 лет, тогда как Миранде было уже 60.

Освободителя нередко обвиняли в том, что он предал Миранду, так как активно способствовал его аресту, в результате чего Миранда после подписания капитуляции с испанцами в июле 1812 г. не смог покинуть Америку, попал в руки врагов и закончил жизнь

¹³ Ibid., т. 28. P. 158, 159. Переговоры военачальников велись без свидетелей, поэтому существуют лишь предположения и некоторые косвенные указания на то, что произошло между ними, в частности, сохранились их письма, из которых можно почерпнуть довольно скудные сведения.

¹⁴ Ibid., т. 27. P. LI.

в испанской тюрьме¹⁵. Конечно же, О'Лири не мог смириться с тем, что предательство запятнает светлый образ его кумира, и потому нашел аргументы для оправдания поступка Боливара, утверждая, что он поступил подобным образом не из мести или неприязни к Миранде, а по принципиальным соображениям. По версии автора повествования, Боливар лишь хотел задержать Миранду в Венесуэле, чтобы главнокомандующий побежденной революционной армии потребовал от командира испанского войска Д. Монтеверде точного исполнения условий капитуляции. В подтверждение этой версии О'Лири приводит отрывки из более поздних писем современников событий, в частности, другого адъютанта Боливара, полковника Вильсона, который так излагал рассуждения Освободителя: «Если Миранда верил, что испанцы будут соблюдать договор, он должен был остаться, чтобы заставить его выполнять; если же не верил, то он являлся предателем, пожертвовавшим своей армией. В любом случае, добавил генерал Боливар, лично он расстрелял бы генерала Миранду как предателя. Эти доводы не лишены основания»¹⁶. Иными словами, О'Лири доказывает, что в действительности причиной пленения и гибели Миранды стало не предательство со стороны Боливара, а его высокое чувство долга. В другом письме Вильсон передал разговор, состоявшийся позже между Боливаром и Монтеверде: «Вы оказали огромную услугу королю, арестовав этого предателя Миранду», – сказал испанец. «Я, сеньор! – воскликнул Боливар. – Вы хотите подшутить надо мной, я его арестовал, чтобы наказать бесчестного человека, который предал родину»¹⁷.

В этой связи автор повествования, откровенно вставший на сторону Боливара, оказался в непростом положении. С одной стороны, стараясь объективно оценивать все произошедшее, он не мог не уделить должного внимания заслугам Миранды, с другой – очень часто, прямо или вскользь, упоминает о его слабостях и

¹⁵ Речь идет о соглашении, заключенном между Мирандой и Монтеверде, называемом капитуляцией Сан Матео, согласно которой повстанцам гарантировались сохранение жизни и имущества, политическая амнистия и предоставление паспортов тем, кто выразит желание покинуть страну.

¹⁶ Подробнее об этом инциденте см.: Ibid. P. 73–75.

¹⁷ Ibid. P. 80, 81. О'Лири отмечает, что Миранда сомневался в честности Монтеверде, потому решил покинуть страну прежде, чем испанские войска займут столицу. Ibid. P. 72, 73.

ошибках. Рассказывая о предреволюционном периоде, О'Лири кратко, но с сочувствием описывает неудачные попытки Миранды добиться поддержки со стороны правительств европейских стран и США, которые иногда давали ему надежду на помощь в борьбе против Испании, однако в результате отказались от этих планов. О'Лири с сожалением говорит о «жалкой политике» тех, кто обманул Миранду, поскольку «монархии и республики одинаково эгоистичны и ставят собственные интересы выше общего блага»¹⁸. Известствует автор и о смелом, даже безрассудном десанте 1806 г., когда с небольшим отрядом добровольцев, в основном североамериканцев, Миранда со второй попытки сумел высадиться на венесуэльском побережье недалеко от г. Коро, но это предприятие закончилось провалом¹⁹.

Когда в восставшем Каракасе было сформировано временное правительство – революционная хунта, она попыталась заручиться международным признанием. Боливару была поручена дипломатическая миссия в Лондоне, которая успехом не увенчалась. В то же время хунта не пришла к общему согласию относительно приглашения в Венесуэлу проживавшего в Лондоне Миранды, слывшего опасным радикалом²⁰. Именно там, в Англии, произошло знакомство Боливар с Мирандой, причем О'Лири подчеркивает глубокое уважение и пиетет, которые Боливар испытывал по отношению к заслуженному ветерану, обладавшему «военными талантами и опытом». Миранда все же получил приглашение прибыть в Венесуэлу и в декабре 1810 г. причалил к родным берегам, но был прохладно встречен членами хунты, так как его идеи, сформировавшиеся под влиянием Французской революции, не соответствовали умеренной политике правительства Венесуэльской республики. Тогда Боливар верил, как пишет О'Лири, что в лице Миранды встретил человека, способного осуществить «блиста-

¹⁸ Ibid. P. LI.

¹⁹ Ibid. P. LII–LIV.

²⁰ Миранда планировал установление собственной диктатуры и создание Исполнительного совета в составе шестерых белых, четверых метисов и двух негров, а также предполагал изжить злоупотребления, взять под защиту церковь, лишив ее, однако, политического влияния, принять законы с целью смягчения имущественного неравенства и рабства, рационально использовать налоговые поступления. См.: *Uslar Pietri* 1975. P. 50.

тельный проект освобождения Южной Америки»²¹.

Однако в революционной Венесуэле между двумя патриотами сложились довольно прохладные отношения. Миранда не выказывал благосклонности по отношению к своему молодому сподвижнику, что не преминул отметить О'Лири. Во-первых, они разошлись по политическим мотивам, так как Миранда выступал в защиту тех испанцев, которые уже проживали в стране, а Боливар полагал, что их следует отправить в изгнание до тех пор, пока Испания не признает независимость Венесуэлы; Миранда решительно протестовал против федералистской конституции Первой Венесуэльской республики, тогда как о том, какую позицию в тот момент занимал Боливар, О'Лири умалчивает. Во-вторых, когда командование силами патриотов перешло от маркиза дель Торо, проигравшего сражение в районе Валенсии, к Миранде, тот попытался отстранить Боливара от участия в военной кампании против Монтеверде, угрожавшего республике, а впоследствии, даже признавая заслуги молодого сподвижника, смотрел на него с подозрением и недоверием²². После начавшегося в марте 1812 г. наступления испанских войск Миранда назначил Боливара комендантом крепости Пуэрто-Кабельо, то есть на должность, которая меньше всего соответствовала его предприимчивому характеру²³.

По мере описания событий, развернувшихся в Венесуэле в начале освободительной войны, О'Лири с нарастающим осуждением рассказывает о недостойном, с его точки зрения, поведении Миранды, создавая тем самым его негативный образ на фоне более привлекательного образа Боливара. После поражения дель Торо в Каракасе царил растерянность, потому все взоры обратились к Миранде, единственному, кто, как многим тогда казалось, мог спасти положение. О'Лири цитирует несколько высокомерный ответ Миранды, который, пользуясь ситуацией, обвинил революционное правительство в отсутствии предусмотрительности: «Где те армии, которыми генерал моего ранга может командовать, не роняя свое-

²¹ *O'Leary* 1981, т. 27. P. 34, 35.

²² *Ibid.* P. 46–48. Маркиз дель Торо, или Франсиско Родригес дель Торо (1761–1851), один из военачальников армии патриотов. После поражения 1812 г. длительное время находился в ссылке, вернулся в Венесуэлу незадолго до ее освобождения.

²³ *Ibid.* P. 55.

го достоинства и репутации!»²⁴.

Для характеристики Миранды автор повествования использует не только сопоставление качеств обоих военачальников, но и суждения самого Боливара о старшем соратнике. Так, Боливар испытывал разочарование, наблюдая крушение тех надежд, которые возлагались на Миранду благодаря его большому таланту, образованности и опыту, а между тем каждый день приносил новые свидетельства неспособности генерала оправдать эти надежды. «Истина заключалась в том, – пишет О’Лири, – что Миранда, хотя и родился в Каракасе, был для соотечественников иностранцем... Но, несмотря на падение его популярности, он еще некоторое время оставался тем, кого признавали наиболее способным к управлению общественным мнением и ходом революции»²⁵. Однако высокомерие Миранды оскорбляло военных и вызывало недовольство гражданских лиц, в результате те и другие начали сомневаться в его административных способностях, а вместе с пересудами росло неповиновение²⁶.

Вооруженное противостояние патриотов и роялистов развивалось с переменным успехом. Наступил момент, когда Миранда, располагавший силами, значительно превосходившими по численности силы Монтеверде, мог нанести решающий удар по неприятелю, но медлил, считая невозможным переломить преобладавшие в стране роялистские настроения населения. «Напрасно офицеры умоляли его использовать благоприятную диспозицию войск и слабость противника после последнего поражения; он не хотел их слышать и, пренебрежительно отвергая вмешательство подчиненных, способствовал росту недовольства, которое и так уже было порождено в армии его надменным тоном»²⁷.

Размышляя о причинах, побудивших Миранду заключить капитуляцию с испанцами, О’Лири предполагает, что тот пришел к неутешительному выводу: провозглашение независимости преждевременно, так как колонисты не готовы к самоуправлению. Между тем, благодаря влиянию испанской конституции, полагал Миранда, колонии могли бы обрести такую степень политической

²⁴ Ibid. P. 46.

²⁵ Ibid. P. 47, 48.

²⁶ Ibid. P. 56.

²⁷ Ibid. P. 58, 59.

свободы, которую удастся совместить с укоренившимися привычками их жителей. В письме, адресованном Монтеверде, Миранда предложил ему обсудить условия капитуляции, «чтобы избежать кровопролития и других бедствий войны»²⁸.

Как писал еще в середине прошлого века английский историк А. Б. Томас, эта капитуляция породила один из самых горячих споров по вопросу ведения войны. Приверженцы Миранды оправдывали его поведение тем, что он, как опытный генерал, спасал то, что можно было спасти, чтобы позднее, когда обстановка окажется более благоприятной, возобновить войну. Напротив, критики главнокомандующего войсками патриотов не только порицали его за то, что он действовал, не консультируясь с правительством, но и утверждали, что военное положение в целом не было настолько серьезным, чтобы оправдать сдачу²⁹. В этом отношении О'Лири, безусловно, принадлежал к критикам Миранды, однако неоднозначное к нему отношение не помешало автору завершить рассказ о неудачливом военачальнике в патетическом и одновременно сочувственном тоне. Назвав Миранду мучеником, он упоминает о страданиях, пережитых генералом в плену и в годы тюремного заключения, и восклицает: «Каковы бы ни были совершенные им ошибки, будущие поколения должны воздать должное его искреннему патриотизму, и никто не оспорит его выдающихся талантов и просвещенности»³⁰.

Хосе Антонио Паэс

На протяжении повествования О'Лири неоднократно упоминает Хосе Антонио Паэса (1790–1873), первого после окончания освободительной войны президента независимой Венесуэлы. Значительное внимание автор уделяет военным кампаниям, как правило, победоносным, в которых Паэс принимал участие сначала в качестве командира сформированного им отряда льянеро, а затем командующего вооруженными силами патриотов на территории Венесуэлы. Помимо этого О'Лири передает его внешний облик, манеру поведения и некоторые детали биографии, в том числе рас-

²⁸ Ibid. P. 71, 72. Имеется в виду Кадисская конституция 1812 г.

²⁹ Томас 1960. С. 207–208.

³⁰ O'Leary 1981, т. 27. P. 75.

сказывает о первой встрече молодого в то время Паэса с Боливаром в 1818 г.

Согласно описанию О'Лири, Паэс имел средний рост, крепкое телосложение, хотя нижняя часть его тела была непропорциональна верхней, где выделялись очень широкие грудь и плечи, короткая и толстая шея, поддерживающая большую голову, покрытую короткими и кудрявыми темно-каштановыми волосами. У Паэса были темные, не лишенные живости глаза, прямой нос с широкими ноздрями, толстые губы и круглый подбородок. Его чистая кожа свидетельствовала о здоровье и оставалась белой, будто не тронутая солнцем. Осторожность и подозрительность являлись отличительными чертами выражения его физиономии³¹.

Сын бедных родителей, Паэс не прошел должного обучения. В присутствии людей, которых считал образованными, он вел себя сдержанно и даже боязливо, уклоняясь от участия в беседе или замечаний, но с подчиненными был болтлив и склонен к грубым шуткам. Ему нравилось рассказывать о своих воинских подвигах. Будучи совершенно необразованным человеком, Паэс полностью игнорировал теоретическую часть той профессии, которой отдал так много сил, и не владел даже самыми простыми терминами, связанными с военным делом. Но, даже если бы Паэс получил блестящее военное образование, он никогда не стал бы настоящим полководцем, так как малейшее противостояние ему или сильное волнение доводили Паэса до конвульсий, лишавших его на время рассудка и приводивших к физическому и моральному истощению. Однако как партизанскому вожаку Паэсу, «выдающемуся каудильо», как называет его О'Лири, не было равных. Решительный, деятельный, отважный, полный коварства, быстрый в передвижениях, он проявлял настолько больше осторожности, насколько меньшими оказывались силы, которыми Паэс командовал. Не обремененный знаниями и нравственными ценностями, он ничего не понимал в политике, был непостоянен в дружбе и, не будучи жестоким, не жалел проливавшейся крови. Паэс становился мстительным, когда задевали его самолюбие или политические интересы. Амбиции Паэса были чрезмерны, но не те амбиции, которые присущи возвышенным душам, когда имеются в виду величие родины или благосостояние сограждан. Он жаждал власти, причем

³¹ Ibid. P. 441.

власти абсолютной. Власть и алчность стали его преобладающими страстями. Паэс добился необычайного влияния на льянеро, составлявших его армию, он понимал их стремление к военной добыче, поэтому ослабил воинскую дисциплину³². Как заметил известный венесуэльский историк и политический деятель А. Услар Пиетри, во многом благодаря Паэсу война за независимость приняла народный характер, тогда как «до этого момента она была делом интеллектуалов, образованных людей, обеспеченных белых, но не той борьбой, которая дошла бы до сознания венесуэльского народа, до хижин обширных льяносов»³³.

Паэс не был склонен к субординации и тем самым мог нанести вред общему делу, однако на втором этапе освободительной войны Боливару, как правило, удавалось сохранять в подчинении революционных генералов. В то же время в тактических целях он прощал Паэсу многие проявления очевидного непослушания, например, тот не желал воевать за пределами льяносов и потому неохотно участвовал в военных действиях вдали от родной местности – района Апуре. О’Лири вспоминает, что до середины 20-х годов Паэс поддерживал правительство созданной Боливаром Великой Колумбии. Консерваторы его опасались, оппозиционные политики уважали, а вице-президент республики генерал Ф. де Паула Сантандер в конфиденциальном письме Освободителю утверждал, что только Паэс способен сохранять порядок в Венесуэле, хотя не все его меры соответствовали существовавшему тогда законодательству. Воспитанный в окружении пастухов и на протяжении ряда лет обладавший неограниченной властью, он так и не смог приспособиться к обычаям цивилизованного общества и помехам в виде конституционного правительства. Любые возражения раздражали Паэса настолько, что он начинал творить произвол, на который люди, уважающие свои права, не могли смотреть спокойно. Однако, какими бы ни были опасения, вызываемые его непокорным характером, в силу убежденности, что на родине этого каудильо без его поддержки ни один план осуществиться не может, все партии следовали за ним³⁴.

В дальнейшем Паэсу удалось вывести Венесуэлу из колумбий-

³² Ibid. P. 441, 442.

³³ Uslar Pietri 1975. P. 99.

³⁴ O’Leary 1981, т. 28. P. 587.

ского союза и создать самостоятельное государство, приняв на себя всю полноту власти в нем. Начало этого процесса также отражено в повествовании. О'Лири, без сомнения, сумел адекватно оценить качества Паэса и как неординарной личности, и как будущего политического лидера Венесуэлы. Отметим, что спустя много лет после описываемых событий, в начале XX в. известный венесуэльский политический деятель и историк П. М. Аркайя в одном из своих трудов нарисовал яркий портрет «каудильо Паэса», также утверждая, что в условиях жестокого кризиса, охватившего Венесуэлу после Войны за независимость, Паэс превратился в единственную силу, способную противостоять разрушительной анархии, так как его авторитет и та любовь, которую питало к нему население, имели большее значение, чем абстрактные призывы к соблюдению конституции и законов. Сосредоточив в своих руках неограниченную власть, Паэс превратился в диктатора, но при этом действовал в определенных им самим легитимных рамках³⁵.

Генералы и политики

Среди венесуэльцев – соратников Боливара было немало генералов, выдвинувшихся в ходе Войны за независимость благодаря своим способностям, смелости и авторитету, которым они пользовались среди подчиненных и в народе. В то же время далеко не все из них, сражаясь на стороне патриотов и командуя собственными армиями, безоговорочно поддерживали Освободителя. Некоторые, подобно Паэсу, отказывались полностью подчиняться Боливару как верховному главнокомандующему, другие были склонны к мятежам или же совершали иные проступки, дававшие О'Лири основания обвинять их в предательстве. Ярким примером может служить поведение Мануэля Пиара (1774–1817), сына испанского моряка и мулатки, родившегося на о. Кюрасао, но с детских лет проживавшего в Венесуэле.

О'Лири подробно описывает прискорбный случай, произошедший в 1817 г. Амбициозный Пиар, недовольный своей второстепенной ролью и твердым руководством со стороны Освободителя, объявил его тираном, узурпатором и вышел из повиновения, призвав товарищей по оружию последовать его примеру и потребо-

³⁵ *Arcaya* 1977. P. 53–66.

вать ограничения власти «диктатора Боливара». Последний, узнав об интригах Пиара, попытался вернуть его на правильный путь и написал ему несколько дружеских писем примирительного характера. Не достигнув цели, верховный главнокомандующий отдал приказ арестовать мятежного генерала, так как его действия могли спровоцировать очередной всплеск гражданской войны. В итоге Пиар был задержан, препровожден в Ангостуру и предан военному суду, который признал его виновным в дезертирстве, мятеже и предательстве и приговорил к смертной казни, приведенной в исполнение в октябре того же года³⁶. Разрешение этого кризиса имело важное значение, поскольку, как заявил Боливар, «с болью в сердце» обращаясь к солдатам революционной армии, Пиар призывал не только к гражданской войне, но и к анархии³⁷.

Помимо описания преступления и печальной судьбы Пиара, О'Лири представил читателю портрет этого генерала как человека с безграничными амбициями, одержимого бурными страстями, постоянно недовольного своим положением и окружающими его людьми. Оказавшись в Каракасе, Пиар начал постигать там математические науки, однако не преуспел ни в этом, ни в других изучаемых им предметах. Примкнув к лагерю патриотов, он предпочел военную карьеру, служил на флоте, а после падения Первой Венесуэльской республики на время покинул ее территорию, опасаясь преследований, несмотря на невысокое в то время звание. С 1813 г., участвуя в военных кампаниях, Пиар стал выдвигаться на относительно важные роли благодаря своей отваге, а также спокойному и непокорному характеру, проявив склонность к неподчинению командирам и произволу по отношению к подчиненным. Пиар руководствовался лишь своей волей и не имел иных заслуг помимо тех благ, которыми одарила его судьба³⁸.

Таким образом, для О'Лири Пиар – это отрицательный персонаж, хотя автор отмечает его мужество и талант военачальника³⁹. Действительно, он имел немалые военные заслуги, в частности, сражался с врагами Второй Венесуэльской республики в тяжелой-

³⁶ O'Leary 1981, т. 27. P. 397, 422.

³⁷ Ibid. P. 428.

³⁸ Ibid. P. 396.

³⁹ Ibid. P. 148.

ший для нее период «войны насмерть»⁴⁰. Будучи по происхождению пардо (мулатом), Пиар пользовался уважением и поддержкой со стороны солдат и офицеров своего «цветного» войска, которое затем предоставил в распоряжение Боливара. Расправа с популярным лидером, увлекшим за собой значительную часть «низов», могла иметь более серьезную причину, чем ликвидация обычного мятежа в войсках. Возможно, возникли опасения, что этот бесстрашный и влиятельный в своей среде лидер, намереваясь достичь вершин власти благодаря выдвигаемым им уравнилельным идеям, спровоцирует восстание «цветных» против креолов, занимавших командные должности в армии патриотов, однако О'Лири далек от подобных соображений.

Среди старших по званию товарищей по оружию, вместе с которыми воевал Пиар, автор вспоминает о широко известных в патриотических кругах генералах Сантьяго Мариньо (1788–1854) и Хосе Франсиско Бермудесе (1782–1831). О'Лири подробно описывает одну из совместных военных кампаний трех военачальников, когда в начале 1813 г. они высадились в Венесуэле, на побережье Гуирии, а затем в течение полугода освободили от роялистов восточные провинции страны⁴¹. В ходе повествования упоминается и о других сражениях, причем все трое, располагая собственными вооруженными отрядами, стремились к самостоятельным действиям, что доставляло немало беспокойства Боливару, который пытался объединить разрозненные силы патриотов. Особенно сложно, как свидетельствует О'Лири, развивались отношения между Боливаром и весьма популярным на востоке Венесуэлы Мариньо, а неподчинение Освободителю всегда расценивалось его адъютантом как предательство.

Рисуя портрет генерала Мариньо, О'Лири применяет метод сравнительной характеристики, сопоставляя поведение этого военного лидера и другого яркого представителя патриотического лагеря, каноника Хосе Кортеса де Мадариаги (1766–1826), уроженца Чили, сыгравшего значительную роль в каракасском восстании в апреле 1810 г. и последующих революционных событиях

⁴⁰« Guerra a muerte» («война насмерть») против роялистов – знаменитый декрет Боливара, изданный 15 июня 1813 г., что влекло за собой беспощадную расправу с ними, включая пленных.

⁴¹ Ibid. P. 148–151.

в Венесуэле. В 1817 г. «гений раздора» Мариньо и Кортес Мадариага сошлись на основе общности их политических взглядов, так как в тот период времени, когда происходили бурные дискуссии о будущем государственном устройстве освободившихся территорий, оба, в отличие от Боливара, выступали за федеративную политическую систему. «Трудно было бы найти двух людей, более подходящих для того, чтобы разрушить порядок в любой стране, – пишет О’Лири. – Оба были тщеславными, беспокойными и мятущимися». Тот и другой стали широко известны в Венесуэле с момента начала революции. Кортес обладал талантом, с легкостью говорил и писал, Мариньо был лишен этих качеств, но, проникнутый духом соглашательства, с недобрый умыслом менял свои взгляды. Он воспринял идеи федерализма не потому, что обдумывал их или считал применимыми в данных обстоятельствах, а в силу стремления быть на виду, соответствовало охватившему его духу разрушения и предоставляло возможность подорвать репутацию Боливара⁴².

Помимо приведенных выше критических замечаний в адрес Мариньо, О’Лири высказывает свои соображения по поводу его неблагоприятной склонности к фальсификациям и интригам. Так, в мае 1817 г., продвигая, совместно с Кортесом, федералистские идеи в кругу патриотов, в том числе близких к Боливару, Мариньо ссылаясь на то, что план воссоздания в Венесуэле «прежнего правительства», то есть возвращения к федерализму, отражает позицию верховного главнокомандующего⁴³. Это утверждение не соответствовало действительности⁴⁴.

Мариньо не только прикрывался именем Боливара, но и прибегал к обману, уверяя некоторых своих собеседников, что тот умер в Гвиане. Выступая с речью на созванном его усилиями конгрессе в Сан Фелипе де Кариако, Мариньо, с одной стороны, превозносил заслуги Освободителя и те жертвы, которые он принес во имя об-

⁴² Ibid. P. 385, 386.

⁴³ Ibid. P. 386. .

⁴⁴ Еще в «Письме с Ямайки» (октябрь 1815 г.) Боливар писал: «Поскольку Венесуэла стала американской республикой, которая больше других продвинулась по пути создания политических институтов, она явилась также и наиболее ярким примером неэффективности демократического и федеративного устройства наших молодых государств». См.: *Antología Documental de Venezuela* 1960. P. 240, 241.

щего блага, с другой – призывал к формированию временного правительства на основе федералистской конституции Первой Венесуэльской республики. В отсутствие Боливара правительство было сформировано в виде триумvirата, в который его заочно включили, но, по причине отсутствия, заменили Кортесом Мадариагой, тогда как Мариньо принял на себя командование сухопутными силами. Затем Боливар был уведомлен о свершившихся на востоке страны переменах⁴⁵. О'Лири описывает все эти события, крайне не одобряя сепаратистских устремлений Мариньо, которого, как и Пиара, не устраивала второстепенная роль в случае создания объединенных вооруженных сил под командованием Освободителя. Логично в этой связи выглядит следующее замечание О'Лири: «Генерал Мариньо, без сомнения, заслужил ту же участь, что и Пиар, но был менее опасен, чем тот, и одного примера оказалось достаточно»⁴⁶. Таким образом, автор недвусмысленно дает понять, что показательный расстрел Пиара отрезвил Мариньо, не позволив ему в полной мере осуществить сепаратистские намерения, и вынудил в дальнейшем действовать совместно с Боливаром.

Конечно, не все высокопоставленные военные, полковники и генералы были охвачены сепаратистскими или оппозиционными настроениями. Немало оказалось и тех, кто, подобно О'Лири, сохранял верность Освободителю, сопровождая его во время тяжелых военных кампаний или выполняя возложенные на них поручения. К их числу относятся, например, близкий к Боливару Рафаэль Урданета (1789–1845), «чьи воинские таланты никто не сможет оспорить, хотя ему не всегда везло»⁴⁷, Педро Брисеньо Мендес (1792–1835), талантливый военный руководитель, в течение пяти лет занимавший пост военного министра в правительстве Великой Колумбии, участник сражения при Карабобо, чья «мягкая и скромная манера поведения составляла огромный контраст с изменчивым и раздражительным характером Освободителя»⁴⁸.

С большим уважением описывает О'Лири поведение Бартоломе Салома (1770–1863), заслуженного ветерана, принимавшего уча-

⁴⁵ *O'Leary* 1981, т. 27. Р. 386, 387.

⁴⁶ *Ibid.* Р. 429.

⁴⁷ *Ibid.* Р. 170.

⁴⁸ *Ibid.*, т. 28. Р. 34. В 1825 г. Брисеньо Мендес сочетался браком с племянницей Боливара.

стие чуть ли не во всех крупных военных кампаниях в Венесуэле и Колумбии: «Полковник Бартоломе Салом, начальник главного штаба, по своему характеру был противоположностью Брисеньо, однако он оказался человеком, подходящим для той роли, которую играл, находясь рядом с Боливаром», – пишет О’Лири. Далее он отмечает, что самые необычные приказы, отдаваемые Освободителем, Салом воспринимал без малейшего возражения, даже если они были совершенно невыполнимыми. Этот человек трудился день и ночь, не позволяя себе ни одного момента праздности, мало спал, для него не имели значения качество и количество пищи, когда армия расквартировывалась в городах, дом его не был меблирован, а кошелек – полон, он никогда ничего не просил⁴⁹.

Помимо военных чинов, О’Лири уделяет внимание и гражданским лицам, оказавшимся в лагере патриотов и сыгравшим заметную роль в становлении новой власти на освобожденных территориях. Одним из таких персонажей был Хуан Херман Россио (1763–1821), активный участник революционных событий, входивший в число основателей Первой Венесуэльской республики, редактор Декларации независимости Венесуэлы и один из составителей республиканской конституции, принятой в декабре 1811 г., впоследствии возглавивший работу Ангостурского конгресса 1819–1820 гг. Воздавая должное заслугам этого выдающегося венесуэльца, О’Лири откликается на его уход из жизни в момент, когда Россио занимал пост вице-президента Великой Колумбии. «Ощутимой во всех отношениях стала смерть этого добродетельного патриота, который всю свою жизнь посвятил служению родине, и особенно прискорбна она теперь, когда его огромный опыт мог бы противостоять мании нововведений, симптомы которых поныне продолжают проявляться в разных частях страны», – пишет О’Лири, намекая, очевидно, на послевоенную Венесуэлу во главе с президентом Х. А. Паэсом⁵⁰.

Незадолго до смерти Освободителя завершил свой жизненный путь Кристоаль Мендоса (1772–1829), президент Первой Венесуэльской республики, впоследствии выступивший против сепаратистских устремлений Паэса, человек, отмеченный «выдающимися добродетелями, как личными, так и гражданскими». Полным дове-

⁴⁹ Ibid. P. 34, 35.

⁵⁰ Ibid. P. 94, 95.

рием Боливара пользовался его советник Фернандо Пеньялвер (1765–1837), занимавшийся в годы войны активной политической деятельностью, причем именно он рекомендовал Освободителю созвать Ангостурский конгресс. «К чести обоих следует заметить, что Боливар всегда с большим уважением относился к своему справедливому по натуре другу Пеньялверу, чтобы не пострадала их дружба ни в силу различия в положении, ни по прошествии лет. Пеньялвер был одним из тех немногих, кто называл Боливара на “ты”», – вспоминает О’Лири⁵¹. Уважение автора мемуаров заслужили и другие, не столь близкие к Боливару венесуэльские патриоты, продолжившие политическую карьеру после окончания войны, например, в тексте упоминается Педро Гуаль (1783–1862), обладавший «ясным умом, глубокими знаниями и огромным опытом»⁵². Круг людей, так или иначе проявивших себя в годы освободительной революции и представших перед читателем в мемуарах О’Лири, очень широк, а даваемые автором оценки разнообразны – от полного неприятия их поведения до самых восторженных отзывов об их делах и личных качествах.

Жертвы «войны насмерть»

Множество славных имен павших героев – соратников Боливара, прославившихся в ходе борьбы за освобождение Венесуэлы, сохранил для потомков О’Лири на страницах своего повествования. Иногда он ограничивается краткими, но яркими характеристиками: генерал Хосе Феликс Рибас, «политический наставник и близкий друг Боливара» и «Ней того периода войны за независимость»; полковник Висенте Кампо Элиас, «более известный личной храбростью и дикой ненавистью к своим соотечественникам,

⁵¹ Ibid., т. 27. Р. 180.

⁵² Ibid. Р. 251. П. Гуаль, политик и дипломат, был племянником известного заговорщика М. Гуаля, который вместе с Х.М. Эспаньей в 1797 г. участвовал в революционном движении. В начале Войны за независимость он был соратником Ф. Миранды, затем – С. Боливара, который поручал ему важные миссии. На Панамском конгрессе 1826 г. Гуаль представлял Великую Колумбию, после ее распада жил в эмиграции, затем вернулся в Венесуэлу и возобновил политическую деятельность в качестве одного из лидеров консервативной партии.

чем рассудительностью и благоразумием»⁵³. Рибас был казнен испанцами в конце января 1815 г., Кампо Элиас умер от тяжелого ранения, полученного им в марте 1814 г. в сражении за Сан Матео. О подвигах этих и других патриотов, пожертвовавших жизнью во имя свободы, О'Лири пишет с восхищением, а об их страданиях и гибели – с глубоким сочувствием.

В некоторых случаях описания и комментарии О'Лири имеют более пространственный и детальный характер, например, когда речь идет о трагической судьбе полковника Антонио Николаса Брисеньо по прозвищу «Дьявол», чья судьба также сложилась трагически. Он принадлежал к одному из старейших венесуэльских семейств, был горячим сторонником независимости, с началом революции присоединился к повстанцам, а когда в 1812 г. испанские войска заняли Каракас, покинул страну, «унося в сердце глубокую ненависть к испанцам из Европы». Не в силах сдержать свой порывистый характер и утихомирить жажду мести, Брисеньо с несколькими соратниками решил проникнуть в провинцию Баринас, чтобы поднять там восстание. Не прислушавшись к предостережениям друзей и вопреки приказам своих командиров, он осуществил свое намерение и, прибыв в Сан-Кристоваль, обратился к населению с призывом не подчиняться испанцам, а рабов убеждал восстать против хозяев, обещая им свободу в качестве вознаграждения. Отправившись затем в льяносы Апуре, Брисеньо столкнулся с испанским отрядом, потерпел поражение и попал в плен. Вскоре его судили, приговорили к смертной казни как мятежника и 15 июня 1813 г. расстреляли, так же обошлись и с его товарищами. Сочувствуя молодому патриоту, едва перешагнувшему 30-летний рубеж своей жизни, автор в то же время отмечает его безрассудство и нарушение им воинской дисциплины.

С другой стороны, О'Лири называет казнь Брисеньо одним из ближайших последствий декрета о «войне насмерть», который по-разному оценивался испанцами и американцами, и потому он счел необходимым поведать о ключевых обстоятельствах, ей предшествовавших⁵⁴. Сам О'Лири демонстрирует понимание, оценивая

⁵³Ibid. P. 86, 170. В. Кампо Элиас по происхождению был испанцем. Все трое прославились в сражениях времен «войны насмерть», и данные характеристики относятся именно к этому периоду.

⁵⁴ Ibid. P. 124, 125.

эту меру Боливара: только политическая целесообразность и суровая необходимость вызвали к жизни этот декрет, и трудно судить, действительно ли блага независимости стоили пролитой за нее крови, но, полагал О'Лири, не подлежит сомнению, что завоевать свободу было бы невозможно без тех ужасных мер, которые пришлось принимать Освободителю⁵⁵. Вспоминая печальную участь Брисеньо и его спутников, автор настойчиво побуждает читателя к осмыслению одного из самых сложных и трагических моментов Войны за независимость Венесуэлы.

Подводя итог, отметим, что степень внимания, уделяемого О'Лири тому или иному персонажу, зависела, прежде всего, от его близости к Боливару и взаимоотношений с ним, а также от вклада в победу над общим врагом. Действующие лица повествования нередко изображаются в сопоставлении с Освободителем, который для автора является эталоном военного и государственного деятеля, человеком, обладающим высокими моральными качествами, лишь изредка совершающим ошибки. Отклонения от этого эталона давали О'Лири поводы для критики соратников Боливара, а неподчинение или противодействие ему расценивались как сепаратизм и предательство. Иногда О'Лири сравнивает качества и поведение различных деятелей, военных и гражданских, не привлекая напрямую светлый образ Освободителя, причем сравнение проводится либо в благожелательном тоне, либо, напротив, с осуждением и даже негодованием, опять-таки в контексте представлений автора мемуаров о том, как все окружающие должны относиться к его кумиру и взаимодействовать с ним. Конечно, О'Лири нельзя назвать беспристрастным исследователем, повествование носит эмоционально окрашенный характер, но его суждения, подкрепленные солидной документальной базой, все-таки вызывают доверие и повышают ценность мемуаров как исторического источника.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Посконина О.И.* Образ Симона Боливара в «Воспоминаниях» генерала О'Лири// История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX вв. М., 2010.
- Томас А.Б.* История Латинской Америки. М., 1960.

⁵⁵ Ibid. P. 129, 130.

- Altuve Carrillo L.* Introducción//O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary, т. 1. Caracas, 1981.
- Antología Documental de Venezuela. 1492–1900. Caracas, 1960.
- Arcaya P. M.* Personajes y hechos de la Historia de Venezuela. Caracas, 1977.
- González Guinán F.* Testimonio del doctor González Guinán//O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary, т. 1. Caracas, 1981.
- Navarro N.E.* Prólogo del Monseñor Nicolás E. Navarro// O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary, т. 1. Caracas, 1981.
- O'Leary D.F.* Memorias del General O'Leary, т. 27, 28. Caracas, 1981.
- Segundo Sánchez M.* Las memorias del General O'Leary//O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary, т. 1. Caracas, 1981.
- Uslar Pietri J.* Historia política de Venezuela. Caracas, 1975.

REFERENCES

- Altuve Carrillo L.* Introducción//O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary, т. 1. Caracas, 1981.
- Antología Documental de Venezuela. 1492–1900. Caracas, 1960.
- Arcaya P. M.* Personajes y hechos de la Historia de Venezuela. Caracas, 1977.
- González Guinán F.* Testimonio del doctor González Guinán//O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary, т. 1. Caracas, 1981.
- Navarro N.E.* Prólogo del Monseñor Nicolás E. Navarro // O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary, т. 1. Caracas, 1981.
- O'Leary D.F.* Memorias del General O'Leary, т. 27, 28. Caracas, 1981.
- Poskonina O.I.* Obraz Simona Bolivara v vospominaniyah generala O'Liri//Istoriya Latinskoj Ameriki v mirovoj istoricheskoj i obshchestvennoj mysli XVI-XIX vv. M., 2010.
- Segundo Sánchez M.* Las memorias del General O'Leary//O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary, т. 1. Caracas, 1981.
- Tomas A.B.* Istoriya Latinskoj Ameriki. M., 1960.
- Uslar Pietri J.* Historia política de Venezuela. Caracas, 1975.